

УДК 94+323(47+57)''1930/1935''(045)

*В.К. Романовский***О ПРИЧИНАХ ВОЗВРАЩЕНИЯ Н. В. УСТРЯЛОВА НА РОДИНУ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ)**

В статье рассматривается проблема принятия публицистом и политическим мыслителем Н. В. Устряловым решения о возвращении на Родину из дальневосточного зарубежья. На основе анализа материалов его переписки с другом Н. Г. Диким, происходившей в 1930–1935 гг., автор раскрывает влияние нестабильной экономической и политической ситуации в зоне КВЖД на различные аспекты жизни известного сменовеховца в Харбине, анализирует нарастание трудностей и проблем, с которыми он сталкивался в служебной, преподавательской, публицистической, общественно-политической и других сферах деятельности; выявляет причины осложнения и разрыва его отношений с коллегами и недавними единомышленниками, что во многом послужило условиями и обстоятельствами, вызвавшими этот выбор. Но определяющую роль в решении Устрялова вернуться на Родину сыграл фактор его личной мотивации — глубокая тоска по Отечеству, чувство долга перед государством и народом, желание быть полезным Родине в условиях её масштабной трансформации. Автор также акцентирует внимание на том, что размышления мыслителя на тему возвращенчества пронизаны не только ностальгией по Отчизне и патриотическими помыслами, но и мучительными переживаниями, тревогой и беспокойством за свою семью и возможную невостребованность в СССР. Непреодолимое желание вернуться на Родину сталкивалось в сознании Устрялова с предчувствием необратимых трагических последствий этого выбора.

Ключевые слова: Н. В. Устрялов, Харбин, 1930–1935 гг., письма Н. Г. Дикому, чужбина, Родина, проблема возвращения.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-721-729

В последние два десятилетия наблюдается устойчивый интерес к личности Н. В. Устрялова. В центре внимания исследователей его мировоззрение, политические взгляды, идейная эволюция, многогранная деятельность, идеология национал-большевизма [1; 2; 14; 17]. Однако в биографии политического мыслителя имеется ещё немало дискуссионных и нуждающихся в дополнительных изысканиях аспектов. Так, малоизученными остаются последние годы пребывания Устрялова в Харбине (1930–1935), высказываются разные мнения о причинах его возвращения на Родину. Некоторые исследователи рассматривают возвращение Устрялова в советскую Россию как, прежде всего, следствие полного принятия им советского проекта [5, с. 82]. Другие авторы объясняют его возвращение на Родину «трудностями материального существования» на чужбине [8, с. 102]. Между тем выбор такого рода мог быть обусловлен целым рядом факторов. Обращение к проблеме возвращения на Родину известного сменовеховца даёт возможность исследовать одну из малоизвестных страниц его биографии и на этом примере проанализировать сложный процесс принятия соотечественниками на чужбине важного решения, вызванного, как правило, совокупностью условий, обстоятельств и мотивов.

Важное значение в изучении темы возвращенчества имеют документы личного происхождения — письма, дневники, мемуары, воспоминания известных и безымянных представителей русского зарубежья. Благодаря этим источникам есть возможность исследовать процесс вызревания решения о возвращении на Родину, изучить мотивы и факторы, которые этому способствовали, определить причины конкретного выбора. Их изучение позволяет проникнуть во внутренний мир человека, стоявшего перед выбором; проследить его душевное состояние, переживания, скрытые от широкой публики. Сегодня в качестве закономерной тенденции современной исторической науки справедливо отмечается «очевидный дрейф исследовательского интереса историка от изучения событий к изучению состояний», повышенное внимание к эго-документам (документам личного происхождения), которые «экспонируют и мир отдельной личности (Я), и её социально обусловленные параметры (МБ)» [18, с. 6, 11].

В настоящей статье, с использованием материалов личного происхождения, исследуются условия последних лет жизни Н. В. Устрялова в Харбине, обстоятельства и мотивы, определившие его решение вернуться на Родину из дальневосточного зарубежья. Важнейшим источником, проливающим свет на процесс принятия этого решения, стали его письма в 1930–1935 гг. к другу и единомышленнику по Харбину Н. Г. Дикому [10; 11; 12], который в 1930 г. переехал в Европу.

Николай Васильевич Устрялов включается в общественно-политическую жизнь страны в дни февральской революции. В 1917–1918 гг. он, правовед и приват-доцент Московского университета, является ведущим публицистом буржуазной газеты «Утро России», возглавляет губернский комитет калужских кадетов, принимает участие в съездах и конференциях партии Народной свободы, редактирует еженедельник «Накануне», подвергает критике действия леворадикальных сил, разрушавших Российское государство [9, с. 9, 21, 22; 20; 21, с. 1]. Осенью 1918 г., опасаясь ареста, Устрялов переезжает из Москвы в Пермь, где работает в местном университете. С приходом белых в начале 1919 г. кадетский публицист перебирается в Омск с надеждой, что под руководством Колчака большевистский режим будет уничтожен и восстановлена российская государственность. Он возглавляет правительственное пресс-бюро, входит в руководство Русского бюро печати, редактирует газету «Русское дело», выполняет обязанности председателя Восточного отдела ЦК кадетской партии, оказывая информационную и идеологическую поддержку омскому режиму [15]. Разгром Колчака вынуждает Устрялова в январе 1920 г. эмигрировать в Китай и последующие полтора десятилетия его жизни связаны с Харбином. На чужбине недавний противник Советов, подвергая переосмыслению события революции и гражданской войны, приходит к выводу, что программа белых по защите и сохранению «единой и неделимой России» осуществляется большевиками, поэтому предлагает прекратить гражданское противостояние и «сменить вехи», т. е. принять Октябрьскую революцию и советскую власть, примириться с большевиками и помогать им возродить былое могущество отечества [22; 23]. Н. В. Устрялов получает широкую известность видного деятеля сменовеховства и идеолога национал-большевизма.

В 1920-х гг. в Харбине складывается привычный уклад жизни сторонника примирения с Советской Россией. Он читает лекции на Юридическом факультете, сотрудничает с периодическими изданиями, занимается публицистической, издательской, научной работой. Получив в 1925 г. советский паспорт, проф. Устрялов получает возможность работать также и в должности начальника учебного отдела КВЖД (1925–1928 гг.), и директора библиотеки КВЖД (с 1928 г.). У него — дружная семья (супруга Наталья Сергеевна и два сына), материальный достаток, широкий круг общения. В его доме организуются так наз. «устряловские субботы» с участием известных представителей харбинской интеллигенции, на которых обсуждаются вопросы общественно-политической, научной, литературной жизни. Их постоянными посетителями были коллеги Устрялова по Юридическому факультету: профессора Г. К. Гинс, В. В. Энгельфельд, В. А. Рязановский, В. В. Ламанский, Н. С. Лопухин, Н. Н. Трифонов, а также служащие КВЖД Е. Е. Яшнов, Н. С. Зефилов, Г. Н. Дикой, Е. Х. Нилус, И. С. Зарудный и др. [6, с. 128]. С Григорием Никаноровичем Диким, возглавлявшим экономический отдел КВЖД, Устрялов в 1922–1923 гг. издаёт альманах «Русская жизнь», авторы которого обсуждали актуальные проблемы «русской жизни» с позиции национально-государственных интересов России [13, с. 1]. Эти годы были для Устрялова, пожалуй, наиболее плодотворными и благополучными в русском зарубежье.

Но в конце 1920-х — начале 1930-х гг. обстановка в Китае меняется. Советско-китайский вооружённый конфликт на КВЖД (1929), японская оккупация Маньчжурии (1931) приводят к осложнению внутривосточной ситуации в стране и в её северо-восточном регионе. Наблюдается рост враждебных настроений к «советским» спецам со стороны местных властей. Активизируется деятельность белоэмигрантских организаций. Обостряются отношения между сторонниками и противниками СССР в русской диаспоре Китая [9, с. 56–60]. В зоне КВЖД ухудшается хозяйственное положение, происходит сокращение персонала, снижение жалования и уровня жизни служащих. Эти процессы негативно отражаются на укладе жизни Устрялова и его семьи. Отныне его не покидают тревожные мысли о будущем.

Неблагополучие на КВЖД и неопределённость жизненных перспектив становятся важными темами писем Устрялова Дикому. «В общем и целом здесь серо, нудно, бесперспективно и тревожно, — сообщает он другу в письме от 12 сентября 1930 г., — Бесперывная чистка служащих дороги... Подавленное, унылое настроение повсюду. Жуткая депрессия в коммерч. кругах. Приходится часто тоскливо раздумывать о собственном будущем и, ещё дальше, о будущем детей...» [10, с. 205]. Чувства беспокойства звучат и в других его посланиях: «езде жалобы, безденежье, застой»; «идут бесконечные сокращения» (30 октября 1930 г.); «депрессия свирепствует вовсю, жизнь страшно подешевела» (1 февраля 1931 г.); «общее положение тревожное для нас, русских, перспектива здесь всё туманнее» (8 октября 1931 г.); «жить нам здесь становится всё трудней» (24 декабря 1931 г.) [10,

с. 206, 208; 11, с. 109, 113]. В управлении КВЖД заговорили о возможном закрытии библиотеки, и Устрялов сообщает адресату, что уведомил руководство дороги о готовности уйти с должности её директора [10, с. 204].

Не проходит мимо Устрялова оживление деятельности белоэмигрантов в зоне КВЖД. В письме от 12 января 1932 г. он пишет Дикому: «Эмиграция ведёт себя здесь до тошнотворности позорно, ... все, толкаясь и суется, спешат приложиться к японской ручке», «в эмиграции уверены, что в самом близком будущем от советского влияния на дороге не останется камня на камне», «большинство совершенно убеждено, что весной японцами будет оккупировано русское приморье» [11, с. 115].

С начала 1930-х гг. ухудшаются отношения Устрялова с единомышленниками и сторонниками сменовеховских идей в дальневосточном зарубежье. Поводом послужила брошюра публициста, посвящённая анализу развития СССР и противоборства в большевистском руководстве между сторонниками и противниками нэпа. Автор констатировал поражение тех, кто выступал за «углубление нэпа» и победу сторонников «контрнэпа», «социалистического наступления» и полностью солидаризировался с победителями [25, с. 22–28].

Открытая поддержка Устряловым сталинского курса на форсированное строительство социализма вызывает у большинства его соратников неприятие и даже негодование. Он стремится найти поддержку у Г. Н. Дикого, объясняя ему свою позицию в письме от 1 февраля 1931 г.: его не устраивают методы и темпы «строительства социализма», но стратегию курса он не ставит под сомнение. И правильным было бы на данном этапе, считает он, выступать не с «острой публицистикой», критикой в адрес Москвы, а заняться спокойным философским осмыслением происходящих на родине событий и оправданием действий властей. «Конечно, террор отвратителен, — рассуждает он — но “протест” против него в современных условиях и **в наших устах** [здесь и далее выделено Н. В. Устряловым. — В. Р.] будет походить на жалкий писк давимой мыши. Нашего брата истребляют — это грустно, но если мы хотим и можем высказываться, то говорить надо о другом... Нужны очень большие полотна для изображения современных событий и заложенных в них тенденций. ...“Безумства” и преступления есть, но **они глубоко имманентны громадному историческому процессу, развертывающемуся в стране**» [10, с. 208–209].

Но харбинским соратникам Устрялова трудно понять, как можно проявлять «лояльное» отношение к советскому режиму, который жестоко расправляется с интеллигенцией и «спецами», насильно сгоняет в колхозы крестьян. Они дистанцируются от профессора права. Устряловские «субботники» перестают посещать Е. Х. Нилус, Т. В. Бутов, Е. Е. Яшнов, В. В. Энгенфельд, другие его коллеги и друзья. Устрялова особенно удручает размолвка с Яшновым. «Е. Е. [Яшнов] — пишет он Дикому 7 июня 1933 г., — настойчиво требует **кричать** и даже **круто** обойтись с собственным прошлым — тринадцатилетним: мол, ошибались. По целому ряду оснований, мне это не только не улыбается, но представляется и ненужным...» [12, с. 118].

Весной 1934 г., сообщая Дикому о своём решении окончательно снять «устряловские лозунги эпохи нэпа», Устрялов пишет: «Е. Е. стоит на совсем другой позиции — откровенно смотрит в **непримиримые эмигранты**. Мне очень грустен разрыв с ним» [12, с. 138]. Позднее (в письме от 11 августа 1934 г.) он признаётся своему адресату, что ему чаще приходится защищаться от недавних сподвижников по сменовеховству, чем от своих идейных противников и вновь вспоминает Е. Е. Яшнова, который был «в полном бешенстве» от его нового сборника статей «Наше время» [12, с. 143]. В нём формулируется вывод автора, свидетельствующий о том, что его разногласия с советским режимом преодолены: «генеральная политическая линия правящей партии ходом событий оправдана... Старая нэповская концепция “спуска на тормозах” ныне целиком отменяется логикой фактов, в корне утрачивает смысл... Все силы народа должны быть направлены на освоение того пути, по которому ныне ведёт советскую страну её правительство» [26, с. 1, 19].

Разрыв с соратниками сужает интеллектуальный круг общения Устрялова в Харбине. Он часто пишет об одиночестве, которое его преследует: «Никогда ещё не было так бесприютно и одиноко» (24 декабря 1931 г.); «...Здесь чувствуешь себя сугубо одиноким...» (14 июля 1933 г.); «Ощущаю здесь мучительное одиночество... Думаешь один сам с собою...» (27 сентября 1933 г.); «Проводишь время в пассивном созерцании... А поговорить толком как-то не с кем...» (18 октября 1933 г.) [11, с. 113; 12, с. 121, 124–126].

После проведения в 1932 г. традиционных открытых лекций (посвящённых германскому национал-социализму и проблемам взаимоотношения европейских стран и СССР), местные власти за-

прещают Устрялову впредь подобную практику [11, с. 122; 12, с. 113, 146]. Он также сообщает другу о том, что ему приходит отказ на издание собственного альманаха, к первому номеру которого были собраны материалы для публикации. Под любыми предложениями перестают печатать его статьи в местных журналах и газетах. Поступил запрет на распространение книги «Наше время». Она была признана политически «вредной», подлежала конфискации и ни один экземпляр не должен был находиться на территории Маньчжоу-Го [11, с. 113, 117; 12, с. 148–149].

На Юридическом факультете, созданном в 1920 г. по инициативе Устрялова и активно развивавшемся в 1920-е гг. при его активном участии [17], складывается невыносимая обстановка для дальнейшей работы. В преподавательских кругах факультета изначально действовало соглашение о его «академическом облике»: преподаватели с разными политическими взглядами стремились в учебном процессе сохранять дух познания и научного поиска, оберегая студентов от политики в стенах учебного заведения. Но с начала 1930-х гг. это соглашение всё чаще нарушалось профессорами, враждебно настроенными к СССР. Факультет, по словам Устрялова, превращался «в боевое эмигрантское заведение». 1 июня 1934 г. вместе с другими просоветски настроенными преподавателями он подаёт заявление об отставке, о чём сообщает в письме Дикому [12, с. 141–142].

Негативные тенденции в зоне КВЖД, на Юридическом факультете, нарастание трудностей и проблем в разных сферах деятельности заставляют Устрялова всерьёз задуматься об отъезде из Харбина. Первоначально возможным вариантом нового местожительства он рассматривает Европу. Оснований для такого выбора было немало. Воспитанный на европейской культуре, побывавший незадолго до Первой мировой войны на стажировке в Германии и Франции, он вновь стремился прикоснуться к творениям европейской цивилизации. Там находился его друг Г. Н. Дикой, который мог оказать ему поддержку. В Европе он находился бы ближе к эмигрантской «пореволюционной» молодёжи, чтобы оказывать на неё политическое и духовное влияние.

В 1930 г. тема переезда в Европу активно обсуждается Устряловым с Диким. Так, в письме от 4 июля 1930 г. он пишет, что в случае освобождения его от должности директора библиотеки КВЖД и осложнения проблем на факультете, он мог бы выехать туда уже осенью или позднее. «Переезд мой был бы чрезвычайно облегчён, — отмечает Устрялов, — если б Вам удалось (хотя бы через полгода) нащупать мне в Европе *minimum* заработка (скажем, 100 иен в месяц) — безразлично какого... Весною я всё-таки думаю поехать на полгода, а там видно будет...». Обсуждались даже совместные планы издания нового журнала в Европе [10, с. 203–204]. О планах переезда в Европу как «вполне реальной возможности» упоминается в письмах Устрялова и в 1931 г. [11, с. 94, 101, 106, 113].

Но с 1932 г. его планы изменяются: своё будущее Устрялов начинает связывать с Родиной. 31 августа 1932 г. в письме Дикому он пишет, что жить в Харбине становится трудно. Детей, которые подрастают, «нет смысла делать иностранцами», поэтому осенью они пойдут в местную советскую школу, «пусть погружаются в среду, дышат родным воздухом», — подытоживает Устрялов [12, с. 109]. Остро страдая ностальгией по Родине, он осознаёт, что вне России ему не обрести душевного спокойствия. В августе 1926 г., возвращаясь из Москвы, служебной командировки от Управления КВЖД, он пишет в путевых заметках пронзительные слова о своём отношении к Родине: «Жалко расставаться с нею, ещё, и ещё раз всем существом ощущается пустота жизни без неё и вне её. Лучше от всего отречься — от свободы, от “политики”, от науки, — но только не порывать с родною землёй, которую не унесёшь с собою на подошве башмака... Да, это так, это для меня психологическая аксиома, иным я быть не могу и не буду» [24, с. 36–37].

К лету 1933 г. экономическая и политическая ситуация в Маньчжурии ухудшается, особенно для соотечественников, открыто проявлявших советофильскую позицию. «...Это беда, пожалуй, катастрофа, — сообщает он другу в письме от 7 июня 1933 г. — ...Что же делать?.. Уцепиться не за что... Сугубо худо, что **нет тыла!** Куда податься? ...Вот это сознание особо удручительно...» [12, с. 118].

Г. Н. Дикой предлагает ему признать свои ошибки и встать на сторону эмиграции. Но Устрялов решительно отказывается: «Всякий такой резкий жест был бы либо обывательщиной, — считает он, — либо — неизбежно и невольно — актом солидаризации с политической эмиграцией» [12, с. 121]. К эмигрантам, которые исповедовали традиционные политические доктрины и отвергали Родину в её новом облике, он относился однозначно негативно.

Знакомство с информацией из СССР (по материалам советских газет, личным впечатлениям приезжих советских служащих) приводит его к мысли, что «там» ситуация изменяется к лучшему. В авторском сборнике статей «Наше время» Устрялов отмечает успехи сталинского социализма: СССР стал «индустриальной страной», деревня перестала «быть чуждой государству», формируется

«крепкий советский патриотизм», укрепилось международное положение страны, миновала острота «социальной борьбы», «сокращается жестокость приёмов властвования», «суживается сфера внеправовых методов управления» [26, с. 1–11].

Публично заявляя о позитивных изменениях в СССР, Устрялов всё же осознаёт, что там он должен отказаться от принципа свободы творчества. На Родине, признаётся он, необходимо будет со многим смириться, и не только смириться, но «во второй раз родиться», оставив позади «всё своё прошлое». «Если государство, — пишет он Дикому в августе 1934 г., — придёт и скажет мне: “Молчи, такой-сякой, или, ещё лучше, пиши, что я тебе приказываю”, — тогда я прислушаюсь, замолчу и даже, насколько хватит сил, может быть попробую написать, что прикажут...» [12, с. 125, 143].

Но готовый многим поступиться, Устрялов всё же считает, что в родном Отечестве у него должна оставаться возможность хотя бы свободно мыслить. «В самом деле, — рассуждает он в письме Дикому от 7 сентября 1934 г., — **зачем** мне отказываться от права и возможности свободных суждений на политические темы и от самых этих суждений?.. Ни своей публицистикой, ни скромной своей спецовой работой... я не приношу никакого вреда своему государству... Что же мне прикажете делать? Отказаться от “оригинальных” мыслей во имя “центрального шаблона”? Кому это нужно? — Право же, никому. Молчать? — Намолчаться всегда успеем, почему же не “поднять голос”, когда не хочется молчать? ...Менять образ поведения не чувствую себя в силах...» [12, с. 144–145].

Тем не менее маститый публицист, интеллектуал, в недавнем прошлом непреклонный и принципиальный политик он был готов смириться во имя Родины. В письме Дикому от 22 апреля 1935 г. Устрялов подробно объясняет причины и мотивы своего судьбоносного выбора. «Возвращение на Родину, — пишет он, — воспринимаю я не только как непререкаемый **долг чести**, но и как живую **радость**... Возвращение фактически было возможно и раньше, но психологически и идеологически оно оставалось затруднительным, покуда круг моего национал-большевизма не был изжит диалектикой революции...»

...**В основном и главном** нет уже речи о сомнении, неверии, послушании со стиснутыми зубами, — а есть живое и сознательное, активное приобщение к государству. ...Советское государство заинтересовано в наибольшем проценте возвращающихся: это вопрос престижа... При таких условиях, — ясен долг советского гражданина...

По отношению ко мне этот долг повелевает сугубо. В некотором роде я... фигура символическая, репрезентативная. Недаром и в советском, и в антисоветском лагерях сейчас живо интересуются моим решением. И ясно, что это решение должно быть принято лишь по мотивам идейным... При других условиях, не скрою, я предпочёл бы вернуться в Россию кружным путём, через океаны, тропики и Европу, — такое путешествие издавна было заветной моей мечтой... Однако сейчас и чувствую, и знаю, что даже такой вариант возвращения — неудобен» [12, с. 160–161].

Но побывать в Европе ему очень хотелось. «Перспектива взглянуть на Париж, Рим..., — пишет он Дикому в письме от 2 апреля 1934 г., — не перестает меня соблазнять. Дело ведь не только в “идейном разброде”, а и в “святых камнях”, памятниках, до коих я всегда был охотник, в первоклассной всё же культуре, от которой тут мы так постыдно отвыкли. Недавно Institut International de Philosophie du Droit et de Sociologie Juridique (*фр.* Международный институт философии права и правовой социологии. — *В. Р.*) почтил меня на своём международном конгрессе в Париже выбором в действительные члены (по рекомендации проф. Гурвича, выдающегося философа). Через год состоится новый конгресс, и членам предлагается представить доклады на тему “право и другие формы соц. жизни”. С каким бы удовольствием принял я участие на этом конгрессе!.. Да и взять хотя бы вот эту евразийскую и утвержденческую молодёжь. Казалось бы, общение с ней, под углом зрения вовлечения в советскую орбиту, — отнюдь не должно бы считаться делом, недостойным советского гражданина...» [12, с. 140].

24 апреля 1934 г. Устрялов получает письмо от евразийца К. А. Чхеидзе, с которым вёл переписку в эти же годы, с настойчивым приглашением приехать в Европу: «...Смею Вас заверить, дорогой Николай Васильевич, что Ваш приезд в Европу явился бы событием не только русской жизни. Учтите то, что даже в Югославии руссофильство интереснейшим образом перерождается в своеобразное советофильство...» [3, ф. 5911, оп. 1, д. 78, л. 13].

Но поездкой в Европу Устрялов мог дать лишний повод для очередных разговоров в эмиграции о своём будущем. Тем более, эмигрантская пресса, следившая за каждым его шагом, периодически сообщала читателям «сенсации» о судьбе «главного национал-большевика». В письме Чхеидзе от 29 января 1935 г. Устрялов пишет: «Эмиграция стремится уже загодя записать меня в невозвращенцы... Нельзя без чувства тошноты взять в руки местные её газеты» [3, ф. 5911, оп. 1, д. 78, л. 45].

После подписания соглашения о продаже КВЖД (март 1935 г.) появилась реальная возможность для переезда в СССР харбинцев, имевших советские паспорта и желание вернуться на Родину. Устрялов со своим выбором определился и с семьёй готовился к отъезду. Многие знакомые профессора с недоумением воспринимали его добровольный отъезд в СССР и спрашивали: для чего он так поступает? Устрялов в шуточной форме отвечал: «Для биографии» [12, с. 159].

Но вместе с принятым решением его не могли не беспокоить последствия возвращения. Он понимает, что на Родине ему и его семье никто не может гарантировать спокойную жизнь. В нём происходит мучительная борьба между осознанным долгом и непреодолимым желанием вернуться на родную землю и осознанием того, что на Родине нельзя обезопасить свою семью от возможных трагических последствий и сохранить свободу в творчестве.

Эти тревожные настроения отчётливо проявляются в его письмах Дикому. Так, в одном из писем другу (от 18 октября 1933 г.) он пишет: «Я даже боюсь, что собственным детям приношу лишь кажущуюся пользу..., которая вдруг обернётся реальным, на этот раз, вредом!..» [12, с. 126]. В другом письме (от 22 апреля 1935 г.), т. е. незадолго до отъезда на Родину, Устрялов довольно трезво прогнозирует своё будущее и тот противоречивый душевный настрой, который он переживает накануне возвращения: «...Что же ждёт меня там, за рубежом, на Родине? — Вопрос интересный, но не имеющий отношения к здешнему моему выбору, — ибо долг, как известно, повелевает безусловно и не связан с представлениями о награде или каре. Он бескорыстен в высокой мере. Как бы государство ни отнеслось ко мне, я обязан ему повиноваться, — и теперь более, чем когда-либо».

Разумеется, было бы наивно ожидать или требовать полного доверия к себе со стороны вождей советского государства. Разумеется, меня не могут встретить иначе, как настороженно. Иллюзии здесь неуместны. Доверие нужно заслужить. И в этом отношении, добрая моя воля — налицо.

Государство ныне строится, как в годы Петра, суровыми и жёсткими методами. Подчас на костях и слезах. В своей публицистике я осознал этот процесс, уясняя его смысл и неоднократно призывал понять и оправдать его... Ежели государству понадобятся и мои собственные “кости”, — что же делать, нельзя ему в них отказывать».

...Хочу ещё раз подчеркнуть, что тут не только вопрос приличия, достоинства, долга. Нет, тут также неудержимое, радостное, обострённое долгой разлукой тяготение к родной земле... Иначе говоря, тут не только долг, но и любовь...» [12, с. 161–162].

На страницах эмигрантской прессы печатались резкие статьи в адрес возвращенцев. «Сейчас не время возвращаться домой, идти на поклон к Кагановичам и Акуловым, — заявляла И. Ильинская на страницах пореволюционного журнала “Завтра”, — ...Тот, кто вместе с Россией ощущает светлое приближение, кто вместе с ней стремится осуществить новую правду, только тот всегда будет с ней, только тому суждено вернуться домой не лакеем и холопом, не покаявшимся прихвостнем, не побеждённым врагом, а свободным гражданином...» [4, с. 18].

Н. В. Устрялов, обеспокоенный подобными публикациями, стремится защитить выбор возвращенцев. В письме одному из лидеров пореволюционной мысли Ю. А. Ширинскому-Шихматову, с участием которого издавался журнал «Завтра», он пишет: «Грешно и вместе с тем политически близоруко, просто неумно пореволюционерам бросать бранные слова по адресу людей, едущих на Родину и тем самым, разумеется, принимающим на себя нелёгкое бремя государственной дисциплины... Я вовсе не хочу в чём-либо упрекать пореволюционных невозвращенцев и отлично понимаю их личный статус... Но пусть же и невозвращенцы воздержатся от душевных нападок на тех, кто ценит советское гражданство и готов добиваться его хотя бы и дорогой ценой... **Нельзя осуждать** возвращенцев. ...Акт возвращения есть не что иное, как готовность от своего государства людей разделить вместе со всем населением страны выпавшую на его долю судьбу, с её повинностями и тяготами» [3, ф. 5911, оп. 1, д. 78, л. 50–51].

Принимая решение о возвращении на Родину, Устрялов, возможно, надеялся на «здоровую эволюцию» советского режима. В сборнике «Наше время» он отмечает, что в советской стране диктатура и террор — явления временные, большевизм «не враждебен основоположным ценностям демократии», он борется не с «демократией вообще», а с буржуазной «формальной» демократией, и после господства «права силы» неизбежно восстановится «сила права» [26, с. 68–69].

Но Советский Союз, напротив, вступал в период массовых репрессий, и трагическая судьба харбинцев была во многом predetermined [7]. Н. В. Устрялова, прибывшего с семьёй в начале июня 1935 г. в СССР, спустя два года, 6 июня 1937 г. арестовали, а 14 сентября 1937 г. по решению Военной коллегии Верховного Суда СССР расстреляли за «шпионскую деятельность в пользу Японии» и

другие «преступления». Только спустя полвека, 20 сентября 1989 г. он был реабилитирован.

Таким образом, Н. В. Устрялов на чужбине, тяжело переживая разрыв с Отечеством, мечтал вернуться на родную землю. Этот выбор был обусловлен чувством любви к Родине, осознанием государственного и гражданского долга, желанием быть полезным государству, родной стране в эпоху её масштабных преобразований и разделить вместе со своим народом выпавшую на его долю судьбу. Любовь к России Устрялов стремился передать своим сыновьям. Ему очень хотелось, чтобы они обрели своё Отечество. Важное значение в решении вернуться на Родину имели также факторы, связанные с неопределённостью статуса КВЖД в условиях оккупации Японией северо-восточного региона Китая, неясностью жизненных перспектив, ухудшением социальных условий жизни. Свою роль в его выборе сыграли попытки новых властей ограничить деятельность Устрялова в основных его сферах (публицистической, издательской, общественной, научной), наступивший кризис в отношениях с коллегами по Юридическому факультету, вынужденный уход с преподавательской работы и разрыв с соратниками-сменовеховцами, которые отказались разделять его лояльную позицию в отношении сталинского курса. Поддержка Устряловым политики Сталина на слом нэпа, проведение форсированной индустриализации и сплошной коллективизации, свидетельствовала об отходе его от первоначальных сменовеховских идей и преодолении политических разногласий со сталинским режимом. На выбор Устрялова определённое влияние оказывал формировавшийся в его сознании искажённый образ советской страны, в которой, как ему казалось, наметился «поворот от ненависти к любви» и где после многих лет господства «права силы» наступает «сила права». Но и чувство тревоги не покидало политического мыслителя. Его размышления о проблеме выбора сопровождались мучительной борьбой между осознанным долгом, непреодолимым желанием вернуться на родную землю и переживаниями и опасениями за свою семью, ожиданием возможных трагических последствий после возвращения на Родину.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян В. Э. Николай Васильевич Устрялов — идеолог национал-большевизма // Вестн. государственного и муниципального управления. 2018. № 3 (29). С. 99–122.
2. Быстрянцева Л. А. Мировоззрение и общественно-политическая деятельность Н. В. Устрялова // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 162–190.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд Р-5911. Чхеидзе Константин Александрович, член Пражской группы евразийских организаций, эмигрант. 1897–1974.
4. Ильинская И. И. К возвращенцам // Завтра. 1935. № 5. С. 18–19
5. Квакин А. В. Императив «смирения» (Вынужденное предисловие к несостоявшейся книге о проф. Н. В. Устрялове) // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 2. Калуга: Информационное агентство «Калуга-пресс», 2007. С. 74–96.
6. Кротова М. В. Окружение Н. В. Устрялова в Харбине // КЛИО. 2014. № 9 (93). С. 128–131.
7. Кузнецов Д. В. «Аресту подлежат все»: политические репрессии в СССР и судьба так называемых «харбинцев» // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 136–146.
8. Матвеева А. М. Эволюция взглядов Н. В. Устрялова перед возвращением на родину (по материалам его писем к сменовеховцу Г. Н. Дикому) // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2019. № 4 (17). С. 92–107.
9. Писаревская Я. Л. Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е — начало 30-х гг.) // Новый исторический вестник. 2000. № 2. С. 52–71.
10. «Политическая эмиграция — не наш путь». Письма Н. В. Устрялова Г. Н. Дикому, 1930–1935 гг. // Исторический архив. 1999. № 1. С. 200–211.
11. «Политическая эмиграция — не наш путь». Письма Н. В. Устрялова Г. Н. Дикому, 1930–1935 гг. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 92–126.
12. «Политическая эмиграция — не наш путь». Письма Н. В. Устрялова Г. Н. Дикому, 1930–1935 гг. // Исторический архив. 1999. № 3. С. 107–166.
13. Предисловие // Русская жизнь. 1922. Вып. 1. С. 1.
14. Романовский В. К. Николай Устрялов: от либерализма к консерватизму. Нижний Новгород: Нижегородский институт развития образования, 2010. 462 с.
15. Романовский В. К. Деятельность Н. В. Устрялова в белой Сибири // Изв. высш. учеб. заведений. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. Т. 6. Вып. 4. С. 288–292.
16. Романовский В. К. Н. В. Устрялов — профессор Харбинского Юридического факультета // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 125–131.

17. *Сергеев С. М.* Политическая философия Н. В. Устрялова в контексте русской мысли // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 2. Калуга: Информационное агенство «Калуга-пресс», 2007. С. 97–128.
18. *Суржикова Н. В.* Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2014. С. 6–13.
19. *Устрялов Н. В.* Революция и война. М.: [б. и.], 1917. 28 с.
20. *Устрялов Н. В.* Сатурн // Утро России. 1917. 28 нояб.
21. *Устрялов Н. В.* На перевале // Накануне. 1918. № 1. С. 1–2.
22. *Устрялов Н. В.* В борьбе за Россию. Сб. ст. Харбин: Окно, 1920. 80 с.
23. *Устрялов Н. В.* Под знаком революции. 2-е изд., перераб. и доп. Харбин: Полиграф, 1927. 415 с.
24. *Устрялов Н. В.* Россия (У окна вагона). Харбин: Типография КВЖД, 1926. 53 с.
25. *Устрялов Н. В.* На новом этапе. Шанхай: Центурион, 1930. 43 с.
26. *Устрялов Н. В.* Наше время. Шанхай: [б. и.], 1934. 202 с.

Поступила в редакцию 09.01.2021

Романовский Вячеслав Константинович, доктор исторических наук,
 профессор кафедры историко-филологических дисциплин
 ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования»
 603122, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 203
 E-mail: vkroman@mail.ru

V.K. Romanovskii

**ABOUT THE REASONS FOR THE RETURN OF N. V. USTRYALOV TO HIS HOMELAND
 (BASED ON HIS EPISTOLARY HERITAGE)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-721-729

The article considers the problem of taking the decision by the publicist and political thinker N. V. Ustryalov to return to his homeland from Far East. Based on the analysis of the materials of his correspondence with his friend N. G. Dikii, which happened in 1930–1935, the author reveals the influence of the unstable economic and political situation in the area of Chinese Eastern railway on various aspects of the life of a well-known “smenovekhovets” in Harbin. Also the author analyzes the escalating of difficulties and problems that he faced in service, teaching, publicistic, socio-political and other spheres of activity; reveals the reasons for the compilation and break up of the relationship with his colleagues and recent associates, which became conditions and circumstances that caused this choice. But the defining role in N. V. Ustryalov’s decision to return home was a factor of his personal motivation — a deep yearning for his homeland, sense of duty to the state and the people, the desire to help his homeland in conditions of its large-scale transformation. The author also highlights the fact that the thinker’s reflections about coming back are permeated not only with nostalgia for his homeland and patriotic thoughts, but also with painful worrying, anxiety and concern for his family and possible lack of demand in the USSR. An irresistible desire to return to his homeland faced in his mind the premonition of the irreversible tragic consequences of his choice.

Keywords: N. V. Ustryalov, Harbin, 1930–1935, letters to N. G. Dikii, foreign country, homeland, the problem of the return.

REFERENCES

1. *Bagdasaryan V. E.* Nikolaj Vasil’evich Ustryalov — ideolog nacional-bol'shevizma [Nikolai Vasilyevich Ustryalov — ideologist of National Bolshevism]. Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Bulletin of State and Municipal Administration], 2018, no. 3 (29), pp. 99–122. (In Russian).
2. *Bystryanceva L. A.* Mirovozzrenie i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' N. V. Ustryalova [The worldview and socio-political activity of N. V. Ustryalov]. Novaya i novejshaya istoriya [New and the recent history], 2000, no. 5, pp. 162–190. (In Russian).
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). Fond 5911. Chkheidze Konstantin Aleksandrovich, chlen Prazhskoy grupy yevrazijskikh organizatsiy, emigrant. 1897–1974 [The State Archive of the Russian Federation. Fund 5911. Chkheidze Konstantin Aleksandrovich, a member of the Prague Group of Eurasian Organizations, an emigrant. 1897–1974]. (in Russian, unpublished).
4. *Il'inskaya I. I.* K vozvrashchenam [To the returnees]. Zavtra [The Tomorrow], 1935, no. 5, pp. 18–19. (In Russian).
5. *Kvakina A. V.* Imperativ “smireniya” (Vynuzhdennoe predislovie k nesostoyavshejsya knige o professore N. V. Ustryalove) [The imperative of “humility” (Forced preface to the failed book about Professor N. V. Ustryalove)]

- N. V. Ustryalov]. Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Kaluzhskij sbornik. Vyp. 2 [Kaluga collection of articles. Issue 2]. Kaluga: "Kaluga-press" Publ., 2007, pp. 74–96. (In Russian).
6. *Krotova M. V.* Okruzhenie N. V. Ustryalova v Harbine [Entourage of N. V. Ustryalov in Harbin]. *KLIO*, 2014, no. 9 (93), pp. 128–131. (In Russian).
 7. *Kuznecov D. V.* "Arestu podlezhat vse": politicheskie repressii v SSSR i sud'ba tak nazyvaemyh "harbincev" ["Everyone is subject to arrest": political repression in the USSR and the fate of the so-called "Harbin residents"]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [The Problems of the Far East], 2015, no. 3, pp. 136–146. (In Russian).
 8. *Matveeva A. M.* Evolyuciya vzglyadov N. V. Ustryalova pered vozvrashcheniem na rodinu (po materialam ego pisem k smenovekhovcu G. N. Dikomu) [The evolution of N. V. Ustryalov's views before returning to his homeland (based on the materials of his letters to smenovekhovets G. N. Diky)]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tihogo okeana* [New historical perspectives: from the Baltic to the Pacific Ocean], 2019, no. 4 (17), pp. 92–107. (In Russian).
 9. *Pisarevskaya Ya. L.* Dve Rossii v Manch'zhurii: social'naya adaptaciya i reemigraciya (20-e — nachalo 30-h gg.) [Two Russians in Manchuria: social Adaptation and Re-emigration (20s — early 30s)]. *Novyj istoricheskij vestnik* [New historical Bulletin], 2000, no. 2, pp. 52–71. (In Russian).
 10. "Politicheskaya emigraciya — ne nash put' ". Pis'ma N. V. Ustryalova G. N. Dikomu, 1930–1935 gg. ["Political emigration is not our way". Letters of N. V. Ustryalov to G. N. Dikii, 1930–1935]. *Istoricheskij arhiv* [Historical Archive], 1999, no. 1, pp. 200–211. (In Russian).
 11. "Politicheskaya emigraciya — ne nash put' ". Pis'ma N. V. Ustryalova G. N. Dikomu, 1930–1935 gg. ["Political emigration is not our way". Letters of N. V. Ustryalov to G. N. Dikii, 1930–1935]. *Istoricheskij arhiv* [Historical Archive], 1999, no. 2, pp. 92–126. (In Russian).
 12. "Politicheskaya emigraciya — ne nash put' ". Pis'ma N. V. Ustryalova G. N. Dikomu, 1930–1935 gg. ["Political emigration is not our way". Letters of N. V. Ustryalov to G. N. Dikii, 1930–1935.] *Istoricheskij arhiv*. [Historical Archive], 1999, no. 3, pp. 107–166. (In Russian).
 13. Predislovie [The preface]. *Russkaya zhizn'* [The Russian life], 1922, issue 1, p. 1. (In Russian).
 14. *Romanovskij V. K.* Nikolaj Ustryalov: ot liberalizma k konservatizmu [Nikolai Ustryalov: from liberalism to conservatism]. Nizhnij Novgorod, Nizhny Novgorod Institute of Education Development Press, 2010, 462 p. (In Russian).
 15. *Romanovskij V. K.* Deyatel'nost' N. V. Ustryalova v beloј Sibiri [Activity of N. V. Ustryalov in White Siberia]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [News of higher educational institutions. The series "Humanities"], 2015, vol. 6, publ. 4, pp. 288–292. (In Russian).
 16. *Romanovskij V. K.* N. V. Ustryalov — professor Harbinskogo Yuridicheskogo fakul'teta [N. V. Ustryalov — Professor of the Harbin Faculty of Law]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 2007, no. 2, pp. 125–131. (In Russian).
 17. *Sergeev S. M.* Politicheskaya filosofiya N. V. Ustryalova v kontekste russkoј mysli [Political philosophy of N. V. Ustryalov in the context of Russian Thought]. Nikolaj Vasil'evich Ustryalov. Kaluzhskij sbornik. Vyp. 2 [Kaluga collection. Issue 2]. Kaluga, "Kaluga-press" Publ., 2007, pp. 97–128. (In Russian).
 18. *Surzhikova N. V.* Ego-dokumenty: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobhodimost'? [Ego documents: intellectual fashion or conscious necessity?]. *Istoriya v ego-dokumentah: Issledovaniya i istochniki* [History in Ego Documents: Research and Sources]. Ekaterinburg, "AsPUr" Publ., 2014, pp. 6–13. (In Russian).
 19. *Ustryalov N. V.* Revolyuciya i vojna [Revolution and war]. Moscow, [n. a.], 1917, 28 p. (In Russian).
 20. *Ustryalov N. V.* Saturn [Saturn]. *Utro Rossii* [The morning of Russia], 1917, Nov. 28. (In Russian).
 21. *Ustryalov N. V.* Na perevale [On the pass]. *Nakanune* [The day before], 1918, no. 1, pp. 1–2. (In Russian).
 22. *Ustryalov N. V.* V bor'be za Rossiyu. Sb.st. [In the fight for Russia. The collection of articles]. Harbin, "Okno" Publ., 1920, 80 p. (In Russian).
 23. *Ustryalov N. V.* Pod znakom revolyucii [Under the sign of the revolution]. 2-e izd., pererab. i dop. [The second publication, revised and expanded]. Harbin, "Poligraf" Publ., 1927, 415 p. (In Russian).
 24. *Ustryalov N. V.* Rossiya (U okna vagona) [Russia (At the window of the train)]. Harbin, "Tipografiya KVZHD" Publ., 1926, 53 p. (In Russian).
 25. *Ustryalov N. V.* Na novom etape [At a new stage]. Shanhaj, "Centurion" Publ., 1930, 43 p. (In Russian).
 26. *Ustryalov N. V.* Nashe vremya [Our time]. Shanhaj, [n. a.], 1934, 202 p. (In Russian).

Received 09.01.2021

Romanovskij V. K., Doctor of History, Professor at Department of History and Social Science Disciplines
Nizhny Novgorod Institute of Education Development
Vaneeva st., 203, Nizhny Novgorod, Russia, 603122
E-mail: vkroman@mail.ru